

# Археологические вести

— 42 —



# **Археологические вести**

42  
(2024)

Санкт-Петербург  
2024

Издание основано в 1992 году

*Редакционная коллегия:*

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов,  
член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба,  
А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин,  
Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

*Научные редакторы выпуска:*

Н. В. Хвощинская, В. Б. Трубникова, М. В. Медведева, В. А. Трифионов, А. А. Пескова, М. Т. Кашуба,  
П. А. Милаев, В. Я. Шумкин, Е. Ю. Гиря, А. К. Очередной

*Издательская группа:*

Т. С. Дорофеева, А. Г. Козинцев (переводы), А. Р. Лада, Е. В. Новгородских

**Археологические вести**, Институт истории материальной культуры РАН. — **Вып. 42** /  
[Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2024. — 276 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В выпуск 42 журнала «Археологические вести» включены статьи по различным аспектам и проблемам археологии. Один из разделов, в который вошли материалы по археологии Сибири, посвящен юбилею известного исследователя сибирских древностей Н. А. Боковенко. В разделе «Новые открытия и исследования» представлены работы, вводящие в научный оборот материалы археологических памятников различных исторических эпох, а также статьи, связанные с анализом отдельных категорий находок. В публикациях, включенных в рубрику «Актуальные проблемы археологии», обсуждаются вопросы использования естественно-научных методов в археологии при изучении ранненеолитической керамики Карелии и состава металлических предметов эпохи архаики на Таманском полуострове. В одной из статей рассматриваются этапы развития и международные связи поселения на Рюриковом городище во времена викингов. Также представлены статьи по истории и организации науки и заметки о проведенных конференциях. Среди авторов — ученые из Казахстана и различных центров России: Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Пензы, Кемерово, Новосибирска, Иркутска, Тобольска, Красноярска, Симферополя, Краснодар, Ростова-на-Дону.

Issue 42 of the journal “Archaeological News” includes articles on various aspects and problems of archeology. One of the sections, which includes materials on the archeology of Siberia, is dedicated to the anniversary of the famous researcher of Siberian antiquities N. A. Bokovenko. The section “New discoveries and studies” presents works that introduce materials from archaeological monuments of various historical eras into scientific circulation, as well as articles related to the analysis of individual categories of finds. The publications included in the section “Actual Problems of Archeology” discuss the use of natural scientific methods in archeology in the study of Early Neolithic ceramics of Karelia and the composition of metal objects of the Archaic era on the Taman Peninsula. One of the articles examines the stages of development and international relations of the settlement at the Ryurikovo gorodishche during the Viking times. Also presented are articles on the history and organization of science and notes on conferences held. Among the authors are scientists from Kazakhstan and various centers of Russia: Moscow, St. Petersburg, Petrozavodsk, Penza, Kemerovo, Novosibirsk, Irkutsk, Tobolsk, Krasnoyarsk, Simferopol, Krasnodar, Rostov-on-Don.

Первая и четвертая страницы обложки — булавка с головкой в виде изображения павлина  
с Троицкого XVI раскопа, Великий Новгород

First and forth pages of cover — pin with a head in the form of an image of a peacock from the Troitsky XVI excavation  
site, Velikiy Novgorod

© Институт истории материальной культуры РАН, 2024  
© Российская академия наук, продолжающееся издание  
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2024

# Казахские тамга-петроглифы Чу-Илийского междуречья: датировка, локализация, идентификация<sup>1</sup>

А. Е. Рогожинский, Г. А. Калдыбаева<sup>2</sup>

**Аннотация.** В статье изложены результаты изучения тамга-петроглифов казахов в междуречье Или и Чу на юго-востоке Казахстана, где сосредоточены и тамги средневековых кочевников, и более поздние. Те и другие встречаются чаще возле зимовок. Письменные источники позволяют идентифицировать тамги казахов, объяснить причины их широкого применения «земельной теснотой» среди кочевников в связи с ростом оседлого населения района на рубеже XIX–XX вв. Предполагается, что концентрация здесь же средневековых тамг связана с ростом оседлого населения в IX–XII вв.

**Ключевые слова:** тамга-петроглиф, Чу-Илийское междуречье, казахи, кочевники, Средневековье, Новое время.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-42-186-200

## Введение

Наскальные изображения удостоверительных знаков средневековых кочевников и казахов в Семиречье (Юго-Восточный Казахстан) впервые зафиксированы на фотографиях верненского археолога-любителя Н. Н. Пантусова в 1897 г. (Пантусов, 1899. С. 64, 65; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 230. Л. 42–44). Однако специальное изучение тамга-петроглифов началось здесь значительно позднее (Аманжолов, 1959) и к настоящему времени приобрело систематический характер, развиваясь на стыке археологии, истории, этнографии и ряда вспомогательных дисциплин и выделившись в особый раздел — тамговедение (Рогожинский, 2019; Самашев, 2020).

В данной статье вводятся в научный оборот материалы по тамга-петроглифам Чу-Илийского междуречья (западная часть Семиречья — горно-степная низкоротная область, которая служит водоразделом бассейнов рек Чу и Или, простираясь на 200 км от Северного Тянь-Шаня

до Юго-Западного Прибалхашья), собранные преимущественно А. Е. Рогожинским в ходе планомерного обследования района, осуществлявшегося в рамках нескольких научно-исследовательских программ в 2009–2022 гг. (рис. 1). Отдельные находки наскальных изображений знаков принадлежат А. М. Досымбаевой, проводившей в начале 2000-х гг. исследование памятников тюркского периода на западных склонах гор Киндыктас (Досымбаева, 2006. С. 52–57; Досымбаева, Богенбай, 2015. С. 106–133). Ряд выявленных ей местонахождений позже дополнительно обследован А. Е. Рогожинским (с 2021 г. — совместно с Г. А. Калдыбаевой). Наконец, в публикуемой коллекции наскальных изображений знаков учтены отдельные находки алматинских краеведов С. Ю. и Е. И. Меньшиковых, а также доктора Йоханнеса Рекеля (Georg-August-Universität Göttingen, Германия), любезно информировавших нас о своих открытиях и предоставивших необходимые материалы и данные.

Район междуречья Чу и Или остается перспективным для тамговедческих исследований как территория особенно высокой концентрации удостоверительных знаков кочевников, датируемых от поздней античности и Средневековья до Нового времени (XVIII — начало XX в.). Благодаря оптимальным ландшафтно-климатическим условиям Чу-Илийское междуречье оставалось привлекательным для кочевников разных

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан по проекту BR18574175.

<sup>2</sup> Рогожинский А. Е., Калдыбаева Г. А. — Институт археологии им. А. Х. Маргулана; Алматы, Республика Казахстан; e-mail: alexeyro@hotmail.com, odd\_story@mail.ru.  
© Рогожинский А. Е., Калдыбаева Г. А., 2024

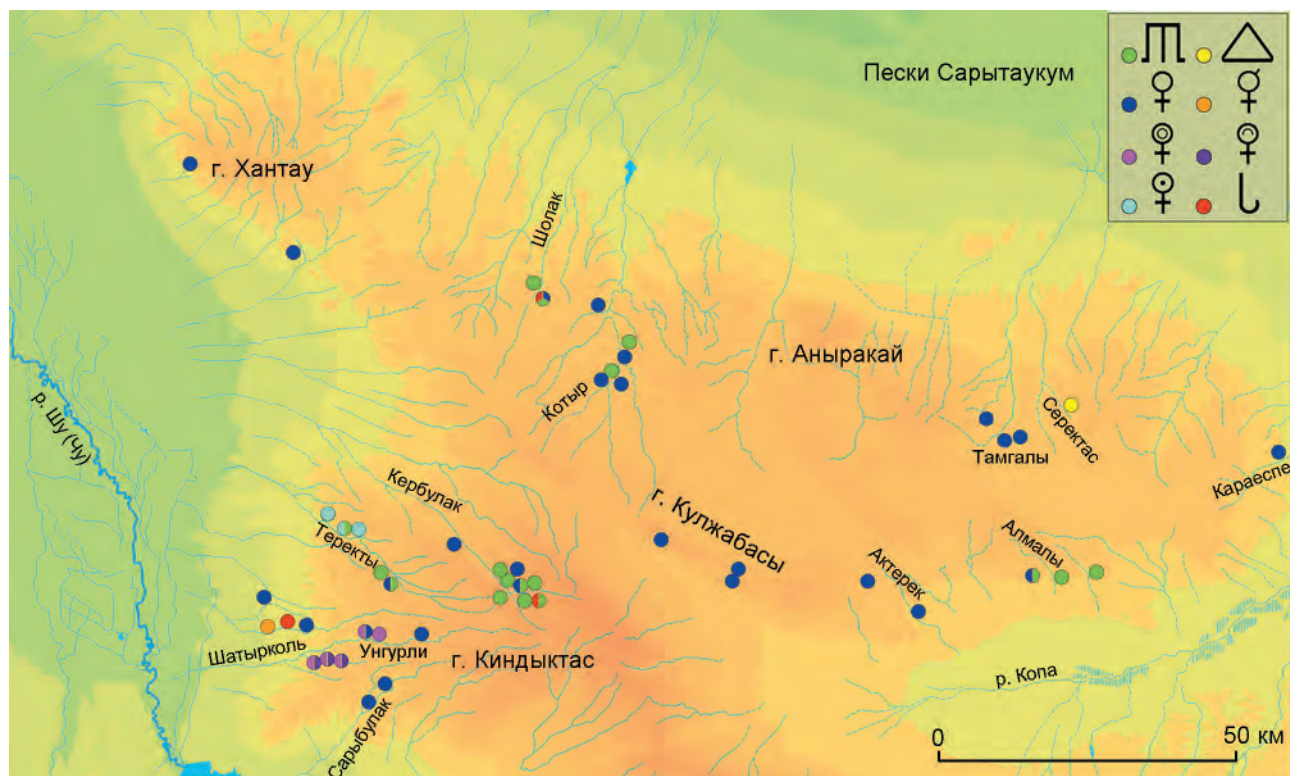


Рис. 1. Схематическая карта местонахождений тамга-петроглифов середины XIX — начала XX в. в Чу-Илийском междуречье

Fig. 1. Schematic map showing the location of petrographic tamgas of the mid-19<sup>th</sup> — early 20<sup>th</sup> cen. in the Chu-Ili watershed

исторических периодов как особенно удобное для сезонных стойбищ (Историко-культурный..., 2011. С. 13, 14), а территориальная близость к центрам оседлости и урбанизации на юго-востоке Казахстана, через которые в средние века и позднее проходили важнейшие трансрегиональные коммуникации, усиливала соперничество между теми или иными группами номадов за обладание районом, что стимулировало, в свою очередь, практику тамгопользования — традиционного механизма регулирования поземельных и других отношений. Именно этим, как нам представляется, можно объяснить обилие в Чу-Илийском междуречье тамга-петроглифов древних и средневековых кочевников и частое соседство с ними на скалах знаков идентичности казахских и кыргызских племен. Подобной концентрации памятников тамгопользования не наблюдается, например, в Сарыарке, Джунгарском Алатау и даже в Присырдарьинском Каратау.

Исследование тамга-петроглифов казахов XVIII — начала XX в., для которого есть достаточная база археологических, этнографических и письменных источников, имеет важное методическое значение прежде всего для сравнитель-

ного изучения материалов по тамгам кочевников средневекового периода. В отличие от последних тамги казахов в горных ландшафтах юга и востока Казахстана имеют достоверные узкие хронологические рамки; на основе имеющихся источников они идентифицируются как тамги определенного племени, рода и отделения<sup>3</sup> или сословной группы казахского общества. Наконец, полнота доступных источников позволяет детально изучить существовавшие у казахов практики применения знаков и определить механизмы тамгопользования, действовавшие в конкретных исторических условиях. Так, в большинстве случаев удастся аргументированно объяснить создание на скалах и одиночных тамга-петроглифов, и целых собраний однотипных знаков или, наоборот, знаков разного вида — так называемых энциклопедий тамг. При этом имеется возможность определить факторы внешней мотивации, например, к появлению новых разновидностей родоплеменных

<sup>3</sup> В генеалогической иерархии казахских племен и родов этнографами выделяются их отделения и подразделения.

знаков путем добавления к графической основе диакритических элементов, что не всегда, как выясняется, напрямую связано с очередностью в генеалогии поколений. Словом, углубленное изучение тамга-петроглифов казахов дает уникальную возможность рассмотреть феномен тамгопользования в деталях, которые утрачены или недостаточны для объективной интерпретации материалов по тамгам средневековых кочевников Казахстана и Центральной Азии.

Добавим, что казахские тамги изучаемого периода по своей принадлежности разделяются на две категории — родоплеменные и сословные (Рогожинский, 2010; 2014; 2019), при этом отсутствие в составе тех и других лично-семейных знаков подтверждается этнографическими данными (Курылев, 1989. С. 212–220). «Огромное значение родового начала, — отмечал Н. И. Гродеков, — вытекает из права сильного: личность находит защиту только у своего рода. За поступки ее отвечает род. <...> Взыскание платит или получает не лицо, а род» (Гродеков, 1889. С. 12). Таким образом, в кочевой культуре казахов символические изображения типа *тамга* (казах. *танба*) играли роль знаков групповой идентичности, удостоверявших принадлежность предъявителей к определенной социальной группе (роду, племени, сословию), которая выступала коллективным субъектом обычного права для защиты общих и личных интересов ее членов — имущественных, управленческих и охранительных.

#### Датировка и локализация знаков

Определение относительной датировки казахских тамга-петроглифов опирается на методы петроглифоведения, опыт определения возраста наскальных рисунков по степени интенсивности «пустынного загара», сопутствующим сюжетным изображениям и на прочтение эпиграфических текстов, нередко сопровождающих выбитые на скалах знаки. Для установления точного возраста знаков, обнаруженных возле стоянок, привлекаются датирующие материалы, собранные на поверхности или полученные при раскопках памятников: китайский и российский фарфор, монеты и др. Наконец, для уточнения датировки тамга-петроглифов важны данные о расселении и землепользовании различных родоплеменных групп, зафиксированные российскими исследователями и колониальной администрацией во второй половине XIX — начале XX в. Лишь единичные знаки могут датироваться первой половиной XIX в. Казахские тамги более раннего времени

на юго-востоке Казахстана пока не выявлены. Верхним временным рубежом для большинства тамга-петроглифов, выбитых на скалах у традиционных зимних стоянок, являются 1931–1933 гг., когда в ходе коллективизации и седентаризации происходило насильственное переселение казахов-кочевников в специальные «пункты оседания» для создания животноводческих колхозов (Ерофеева и др., 2008. С. 159, 160). На фоне этих коренных экономических и социальных преобразований в советское время родовой уклад и обычное право казахов утратили былое значение, а практика тамгопользования угасла.

Встречаются как одиночные изображения, так и небольшие скопления тамга-петроглифов, насчитывающие от 2–3 до 10 и более сходных или разнотипных знаков. В наибольшем количестве и разнообразии казахские тамги выбивались вблизи стационарных зимних стоянок, реже — на скалах возле мест водопоев и сенокосов, на выделяющихся в ландшафте вершинах в местах выпаса скота, а также на узловых участках традиционных коммуникаций — на поворотах, спусках или подъемах вдоль конных и скотопрогонных троп. Как правило, тамги возле зимовок находятся на нижних и средних ярусах скал, на приметных поверхностях, возвышающихся над руинами жилых и хозяйственных построек, и обычно видны с расстояния 10–15 м. Так же приметны тамги на маршрутах конных троп и скотопрогонов, хотя в отличие от других местонахождений здесь они бывают процарапаны неглубоко или небрежно, будто наспех выбиты на скалах, но благодаря своему положению на поворотных участках горных путей тоже хорошо различимы. В высокогорных районах тамги на скалах встречаются крайне редко, что выглядит закономерным для зоны летних кочевий, где в пределах пастбищных территорий, находившихся в общинной собственности, действовало правило «первого захвата» лучших угодий, а длительность стоянок отдельных хозяйств и частота перекочевков на новое место определялись составом стада и продуктивностью кормовых и водных ресурсов (Масанов, 1995. С. 110–112).

Таким образом, расположение в ландшафтах Чу-Илийского мелкосопочника тамга-петроглифов казахов второй половины XIX — начала XX в. сопряжено с функциональным зонированием территории, которое было обусловлено сложившейся на тот момент структурой землепользования и ритмом жизни, продиктованным нуждами скотоводческого хозяйства. Внешними факторами, существенно влиявшими на систему землепользования

казахских родов западных волостей Семиреченской области, стало возрастание доли земледельческого переселенческого населения Чуйской долины и предгорной полосы Северного Тянь-Шаня (Васильев, 1915. С. 242–244), а также усиление регулирующей роли колониальной администрации в вопросах установления границ кочевых территорий и расселения кочевников.

В целом порядок расположения тамга-петроглифов казахов и средневековых кочевников, зафиксированных в том же географическом пространстве, обнаруживает большое сходство (Яценко и др., 2019. С. 250–253). Не составляет исключения и такая редкая разновидность объектов, связанных с тамгопользованием кочевников разных исторических периодов, как наскальные изображения верховых животных, отмеченных тамгами (рис. 2, б). Правда, в композиции из долины Акколь тамги на крупах двух лошадей, погоняемых конным всадником, по-видимому, принадлежат кыргызам племени солто (Абрамзон, 1960. С. 99) и датируются не ранее середины прошлого века, когда после коллективизации и голода 1931–1933 гг. часть ставших малонаселенными земель Чу-Илийского горного района стала сдаваться в аренду на сезонное пользование животноводам Киргизской ССР под зимние пастбища для скота (Ерофеева и др., 2008. С. 184).

Как региональную особенность практики тамгопользования казахов Юго-Восточного Казахстана следует отметить, что тамги не изображались на надгробных памятниках. В Чу-Илийских горах встречаются лишь скопления разнотипных тамга-петроглифов на скалах вблизи семейно-родовых кладбищ.

### Атрибуция знаков

В пределах изучаемого района к настоящему времени выявлено около 50 местонахождений казахских тамга-петроглифов (рис. 1), которые могут датироваться второй половиной XIX — первой третью XX в. Суммарное количество знаков составляет более 100 изображений.

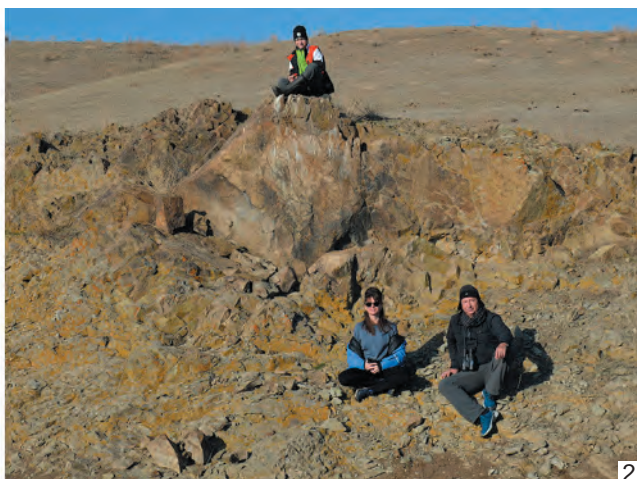
В настоящее время по архивным письменным документам проведена верификация данных, сообщаемых исследователями XIX–XX вв. о принадлежности разных форм знаков племенам и родам казахов Старшего и Среднего жузов (Рогожинский, 2010; 2016; Таласбаева, 2014). Это помогает с большей уверенностью идентифицировать тамга-петроглифы Чу-Илийского междуречья в системе традиционной генеалогии казахов Семиречья.

Современные исследования удостоверительных знаков казахских чингизидов (джучидов) показали, что в XVIII–XIX вв. представители привилегированной сословной группы *торё* («ак суйек» — «белая кость») использовали не менее десяти графических вариантов своей династической эмблемы, включая три вида «ханской тамги» и большую группу «султанских» знаков (Рогожинский, 2014. С. 266–268). Таким образом, фонд аутентичных графических символов, использовавшихся казахами Семиречья в качестве знаков идентичности, позволяет сегодня атрибутировать большую часть тамга-петроглифов Чу-Илийского междуречья второй половины XIX — первой трети XX в.

*Тамги племен и родов казахов Старшего жуза.* В коллекции тамга-петроглифов присутствуют знаки четырех крупных племен и некоторых родовых групп казахов Старшего жуза: *сарыуысын* (2 знака), *дулат* (не менее 85), *ысты* (7) и *шапырашты* (1).

Наибольшую трудность вызывает различие знаков племен сарыуысын и дулат, которые пользовались одинаковой общеплеменной тамгой, напоминающей по форме «зеркало Венеры»: окружность с линией, отходящей вниз и пересеченной в средней части короткой чертой; иногда концы поперечной линии подняты вверх или опущены вниз (рис. 2, 5). Такой же знак с некоторыми отличиями в его положении применялся в качестве общеплеменной эмблемы еще двумя родственными племенами — албан и суан, которые вместе с сарыуысынами и дулатами образовывали ядро «юсуновской орды», то есть Старшего жуза (Рогожинский, 2016. С. 229, рис. 1). Без привлечения дополнительных источников, которые указывают на генеалогическую принадлежность предка такой тамги, точная атрибуция знаков практически невозможна. Решение задачи упрощается тем обстоятельством, что земли Чу-Илийского междуречья, административно составлявшие части территории Верненского и Пишпекского уездов, во второй половине XIX в. не входили в область кочевания албанов и суанов, компактно расселившихся в восточных районах Семиреченской области.

*Сарыуысын.* Две тамги в форме «зеркала Венеры», выбитые на скале и нарисованные краской, сфотографированы Н. Н. Пантусовым у «колодца» Тамгалы-кудук в долине р. Караеспе во время археологической экскурсии в Чу-Илийские горы в 1897 г. Правда, исследователь ошибочно интерпретировал найденные рисунки как «изображения лица и проч.» (Пантусов, 1899. С. 64, 65). В 2021 г. памятник был повторно обнаружен и



**Рис. 2.** Тамга-петроглифы казахов в Чу-Илийских горах: 1–4 — скала с тамгами в Караеспе в 1897 г. (1, 3) и в настоящее время (2, 4); 5, 7 — тамги казахов племен дулат (5) и шапырашты (7) на документах XIX в. из ЦГА РК (Рогожинский, 2010. Рис. 2, 4); 6 — наскальные изображения лошадей с тамгами кыргызов племени солто, долина Акколь; 8 — тамга и надпись у стоянки, горы Серектас. 1, 2 — НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896 г. Д. 230. Л. 42, 43, фото Н. Н. Пантусова; 3–8 — фото А. Е. Рогожинского

**Fig. 2.** Kazakh petroglyphic tamgas in the Chu-Ili mountains: 1–4 — rock with tamgas in Karayespe in 1897 (1, 3) and at present (2, 4); 5, 7 — tamgas of Kazakhs of the Dulat (5) and Shapyrashty tribes (7) in 19<sup>th</sup> cen. documents at the Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (CSA RK) (Рогожинский, 2010. Рис. 2, 4); 6 — petroglyphs representing horses with tamgas of Kyrgyz of the Solto tribe in the Akkol valley; 8 — tamga and inscription near a camp, the Serektas Mountains. 1, 2 — SA IHMC RAS. Man. Dep. A.G. 1. In. 1. 1896. F. 230. Sh. 42, 43, photograph by N. N. Pantusov; 3–8 — those by A. E. Rogozhinskiy

обследован нами (рис. 2, 1–4). Выбитое изображение тамги хорошо сохранилось, но красочные фигуры сильно выветрены и уже почти незаметны. Как выяснилось, запечатленный на фотографии Н. Н. Пантусова «колодец» в действительности представлял собой обложенное крупными камнями устье родника, пробивающегося из-под скалы с тамгами на левом берегу р. Караеспе.

Известно, что использование водных ресурсов было жестко регламентировано обычным правом кочевников; как отмечал Н. Э. Масанов, «в отношении искусственных водоисточников признавалось „право первого пользования“ за теми, кто затратил свои средства на его создание» (Масанов, 1995. С. 142; см. также: Курылев, 1989. С. 217; Историко-культурный..., 2011. С. 138). В конце XIX в. местность Караеспе входила в земли общего пользования кочевников западной части Верненского уезда и граничила с Куртинской волостью, населенной исключительно казахами племени шапырашты, и волостями Моюнкумовской и Сарытокумовской, которые объединяли племя сарыуьсын (Материалы по обследованию..., 1913. С. 195–199). Очевидно, тамги над благоустроенным «колодцем» Тамгалы-кудук принадлежали группам сарыуьсын и отмечали их преимущественное право водопользования в контактной зоне кочевания с казахами шапырашты, тамга которых имела совершенно иную форму.

**Шапырашты.** Как установлено современными исследованиями, общей для всех родовых групп племени шапырашты в XIX в. являлась тамга в форме равностороннего или равнобедренного треугольника («тумар»), обращенного основанием или вершиной вверх (Рогожинский, 2010. С. 115, 116, рис. 4) (рис. 2, 7). Такой знак, выбитый на скале, у подножия которой находятся остатки стационарной зимовки XIX в., обнаружен в горах Серектас (рис. 2, 8). Изображение «тумар»-тамги сопровождают две арабографичные надписи, содержащие имя некоего Малыбая Килбайулы, а также дата «1869». Серия документов, выявленных

в фондах ЦГА РК (Рогожинский, 2010. С. 119, 120), раскрывает некоторые подробности биографии меморианта надписи: он значится в списках юртовладельцев аула 3 Куртинской волости Верненского уезда за 1871 и 1882 гг., который состоял из групп ажике и кеней рода асыл племени шапырашты; совместно с отцом владел скотом (400 овцами, 54 лошадьми, 8 верблюдами); в 1879 г. был избран волостным управителем, а отец его — старшиной родного аула. Из документов следует, что Малыбай был неграмотным и вместо личной подписи ставил родовую тамгу, поэтому именная надпись и дата возле зимовки в Серектас, вероятно, выбиты кем-то от имени заказчика, — быть может, писарем, состоявшим в штате при волостном управителе для ведения делопроизводства на «татарском» и русском языках. Предполагать такое позволяет выбитая выше тамги на скале в Серектас еще одна надпись: строчная русская «г» («господин»?) и заглавная «М» как начальная буква имени владельца стоянки.

В тот период западными соседями казахов шапырашты Куртинской волости были дулаты Ботпаевской волости, соперничавшие за обладание лучшими местами для зимовок. Любопытно, что цепь пограничных хозяйственных территорий Ботпаевской волости отмечена многочисленными тамгами и очень редко — именными надписями владельцев, выбитыми над зимовками дулатов, в то время как над стоянками шапырашты вдоль границ Куртинской волости чаще можно видеть только арабографичные «автографы», а тамга над резиденцией волостного управителя в Серектас является примечательным исключением.

**Дулат.** Многочисленное племя дулат Старшего жуза состояло из четырех родов — ботпай, шымыр, жаныс и сикым, разделившихся на большое количество отделений.

Основная тамга всех родов, как сказано выше, имела форму «зеркала Венеры», которая на уровне отношений индивида или коллектива сородичей с представителями иных патронимических групп



Рис. 3. Тамга-петроглифы казахов возле стоянок XIX в.: 1, 2 — собрание тамга-петроглифов, долина Теректы; 3, 5 — тамги казахов племени дулат на документах XIX в. (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 30358. Л. 34; Д. 30554. Л. 12; Ф. 374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 5); 4 — тамга рода ботпай, долина Шатырколь; 6 — антропоморфные тамги казахов племени дулат, горы Кулжабасы; 7, 8 — собрание тамга-петроглифов торе и рода сикым, долина Теректы. Фото А. Е. Рогожинского

Fig. 3. Kazakh petroglyphic tamgas near 19<sup>th</sup> cen. camps.: 1, 2 — collection of petroglyphic tamgas from various periods in the Terekty valley; 3, 5 — Kazakh tamgas of the Dulat tribe in 19<sup>th</sup> cen. documents (CSA RK. A.G. 44. In. 1. F. 30358. Sh.34; F. 30554. Sh. 12; A.G. 374. In. 1. F. 1669. Sh. 5); 4 — tamga of the Botpay tribe in the Shatyrkol valley; 6 — anthropomorphic tamgas of Kazakhs of the Dulat tribe in the Kulzhaby mountains; 7, 8 — petroglyphic tamgas of Töre and Kazakhs of the Sikym tribe in the Terekty valley. Photographs by A. E. Rogozhinskiy

или колониальной администрации фактически выступала в роли общеплеменного знака идентичности (Рогожинский, 2016. С. 226, 227). Однако наряду с этим у родов ботпай, жаныс и их отделений существовали особые тамги, которые по своему виду отличались от основной тамги дулатов. При этом особая форма знака образовывалась либо за счет добавления новых элементов к общеплеменной тамге (одна или две короткие линии, отходящие лучами от окружности), как у отделения кудайкул рода ботпай (рис. 3, 3, 4), либо представляла собой иную графическую фигуру (полумесяц; соединенные под острым углом две линии), непроемную от основного знака, как у части групп рода жаныс. В первом случае образование производных форм тамги могло означать выделение родственных отделений путем дробления рода, во втором — наоборот, за счет включения в состав рода новых групп, не связанных генеалогическим родством (Рогожинский, 2010. С. 111, 112, 116, рис. 2).

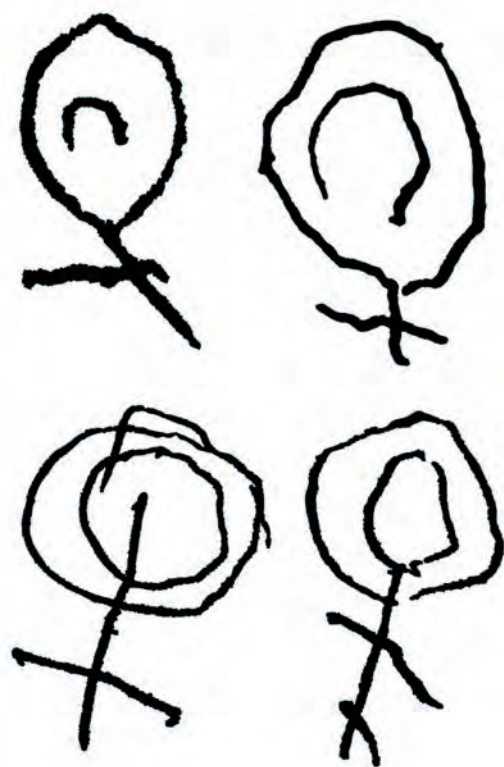
Среди тамга-петроглифов количественно преобладают изображения основной тамги дулатов, представленной в «канонической» форме, но нередко фигура усложнялась дополнительными элементами: добавлялась еще одна вписанная окружность или дуга (рис. 4, 3); концы поперечной линии удлинялись и поднимались под углом вверх или плавно выводились дугами под окружность. Такие тамги напоминали человеческую фигуру, особенно в тех случаях, когда снизу дорисовывались «ножки» (рис. 3, 5, 6). Напомним, именно присутствие антропоморфных черт на уникальных красочных рисунках у р. Караеспе в свое время помешало Н. Н. Пантусову распознать в них родоплеменные знаки. Практически все «неканонические» варианты тамги зафиксированы в архивных документах второй половины XIX в. (рис. 2, 5; 3, 3, 5; 4, 3), при этом в большинстве известных случаев такие «своеручные» тамги принадлежали биям, «почетным киргизам» или аульным старшинам родовых групп дулатов — ботпай и жаныс. Означает ли это, что тамги-петроглифы «неканонического» облика возле стоянок отмечали владения кочевой элиты, — пока неизвестно: возможно, знаки затейливых очертаний указывают лишь на обладание их создателями или заказчиками навыками письма, что в кочевой среде казахов Семиречья того времени являлось привилегией зажиточного меньшинства.

Не менее сложным остается вопрос о семантике основной тамги дулатов, в «неканоническом» образе которой явственно проступает антропоморфное начало. Однако зафиксирован-

ные этнографами в конце XIX — XX в. аутентичные названия родоплеменных знаков дулатов не содержат намека на их антропоморфизацию: тамга дулатов — «донгелек», шымыр — «ятамга», сикым — «кезентамга» (Гродеков, 1889. Прил. V. С. 7), ботпай — «асантамга» (Курылев, 1989. С. 214). Утверждение археолога А. М. Досымбаевой с некорректной ссылкой на работу известных советских этнографов (Востров, Муканов, 1968. С. 39, 40), что «в народной традиции есть выражение „кун танбалы дулат“, означающее „дулаты с солнечной тамгой“» (Досымбаева, 2006. С. 54; Досымбаева, Бондарев, 2016. С. 114), не находит подтверждения в источниках.

Еще одна разновидность основной тамги дулатов — точка в центре окружности (рис. 3, 2, 7) — неоднократно встречается на скалах возле старых казахских зимовок в горах Киндыктас, хотя в изученных нами архивных документах XIX — начала XX в. такой вид знака не выявлен. Установить принадлежность знака помогает анализ письменных сведений об условиях землепользования, сложившихся в местности, где обнаружено несколько скоплений таких тамга-петроглифов.

Пологие западные склоны гор Киндыктас изрезаны сетью скалистых ущелий со множеством ручьев, местами имеющих широкое ложе с заливной поймой, которые по выходе на равнину образуют большую группу мелких притоков Чу или теряются в рыхлых почвах плодородной долины (рис. 1). Одна из таких горных долин — Теректы — отличается большой протяженностью (более 40 км), разветвленной сетью рукавов с укрытыми от ветров логами и хорошим водообеспечением, что ценилось кочевниками всех эпох, судя по обилию здесь разновременных памятников. В средней части долины Теректы на небольшом удалении друг от друга располагается группа хорошо обустроенных старых зимовок, над руинами которых в четырех пунктах отмечены скопления тамга-петроглифов (рис. 3, 1, 2, 7, 8). В каждом скоплении на одной скальной плоскости выбито не менее двух знаков дулатов с точкой в окружности, соседствующих в трех случаях с тамгами торе; возле четвертой стоянки тамги с точкой дважды выбиты попарно на разных участках скалы и один раз — над тамгой, известной нам по архивным материалам как тамга группы кудайкул рода ботпай. Одиночная тамга ботпаев выбита иначе, чем все остальные в этой группе скоплений и, по видимому, появилась раньше других знаков, хотя находки российского фарфора на поверхности стоянки указывают на сравнительно короткий



**Рис. 4.** Собрание тамга-петроглифов казахов племени дулат возле стоянки в долине Унгурли: 1 — общий вид скалы с собранием знаков; 2 — фрагмент центральной части панно; 3 — тамги казахов племени дулат рода ботпай на документах XIX в. из ЦГА РК (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 433. Л. 9; Ф. 374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 46об., 48об.)

**Fig. 6.** Kazakh petroglyphic tamgas of the Dulat tribe near a camp in the Ungurli valley: 1 — general view of the rock with tamgas; 2 — fragment of central part of the gallery; 3 — Kazakh tamgas of the Dulat tribe (Botpay clan) in 19<sup>th</sup> cen. documents at the CSA RK (CSA RK. A.G. 3. In. 1. F. 433. Sh. 9; A.G. 374. In. 1. F. 1669. Sh. 46 reverse, 48 reverse)

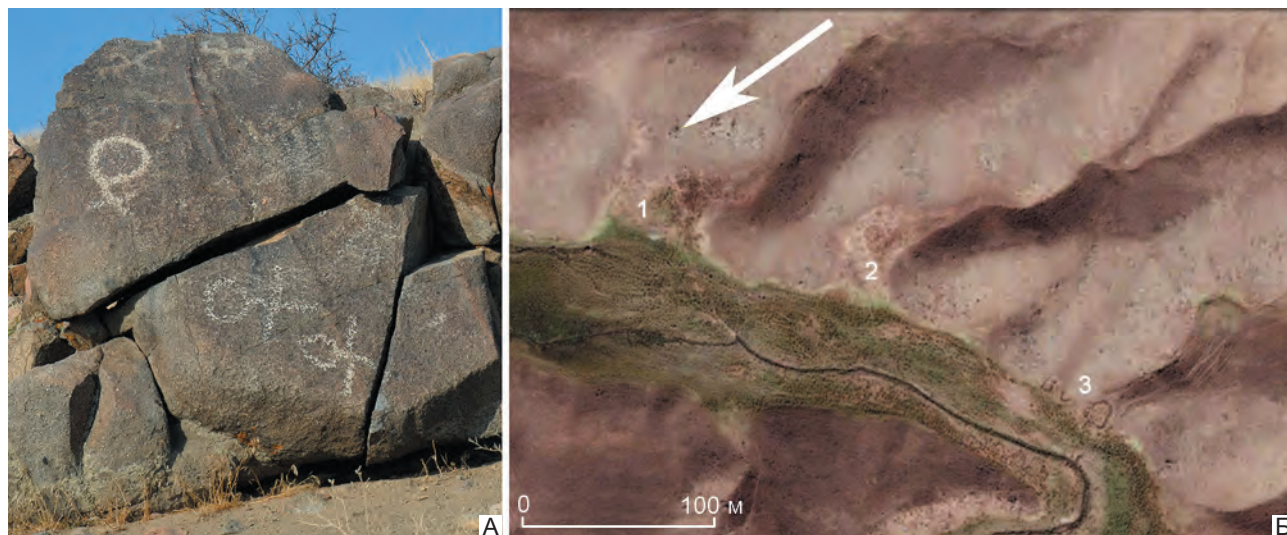
общий период ее обживания в последней трети XIX — начале XX в.

В рассматриваемый период Теректы и ряд соседних долин входили в Сейкимовскую и Дулатовскую волости Пишпекского уезда и состояли из дулатов родов сикым и ботпай соответственно. В составе Сейкимовской волости, управлявшейся султаном Кутаном Султанбековым, вместе с сикымами кочевали торе и их толенгуты. Весомую долю в хозяйстве скотоводов составляли хлебопашество и сенокосение, практиковавшиеся сикымами в предгорной зоне Киндыктас. Однако по мере отчуждения лучших пахотных земель Чуйской долины в пользу крестьян-переселенцев среди кочевников усиливалась «земельная теснота», и некоторые общины сикымов вынужденно перенесли свои пашни и сенокосы к зимовкам в ущелье Теректы, потеснив при этом соседей-ботпаев (Материалы по обследованию, 1916. С. 131, 132). Таким образом, тамги-петроглифы с точкой в окружности могли фиксировать переход некоторых зимовок ботпаев во владение сикымов, а выбитые рядом с ними тамги торе дополнительно

указывали на покровительство, оказываемое сикымам управителем волости и его родичами с толенгутами.

В плотно заселенных горах Киндыктас собрания казахских тамга-петроглифов нередко включают в себя 2–3 и более сходных по техническим параметрам однотипных знака. Объяснение таким собраниям однотипных знаков может подсказать ближайшее окружение — следы освоения ландшафта кочевниками. Приведем два примера, иллюстрирующие возможности применения эвристических методов для их интерпретации.

1. В одном из меандров долины Шатырколь в смежных логах сохранились руины трех зимних стоянок начала прошлого века — с остатками каменных жилых строений и загонов для скота (рис. 5). Над развалинами самой крупной зимовки издали можно заметить три одинаковые тамги дулатов, выбитые на одиночной скале на склоне ущелья. Две тамги развернуты горизонтально, выбиты одна над другой, третья — в обычном положении, над ними. Зимовки расположены необычно близко друг к другу (100–150 м),



**Рис. 5.** Собрание из трех однотипных тамга-петроглифов (А) возле трех стоянок в долине Шатырколь (фото Г. А. Калдыбаевой) и космоснимок Google (Б, 1–3 — стоянки, стрелка указывает на местоположение петроглифов)

**Fig. 5.** Three similar petroglyphic tamgas (A) near three camps in the Shatyrkol valley (photograph by G. A. Kaldybayeva) and aerial photograph by Google (Б, 1–3 — camps, arrow shows the location of petroglyphs)

что недопустимо для обособленных кочевых хозяйств: например, владельцы современных скотоводческих ферм, поделив между собой пастбища в Шатырколь, устраивают зимовки не ближе 0,5–1,0 км от соседей. Можно предположить, что триединое собрание тамга-петроглифов над большой стоянкой отмечает совместное владение тремя главами выделенных кочевых хозяйств, — возможно, отцом и двумя сыновьями или тремя братьями.

2. В средней части долины Шатырколь однообразие родоплеменных знаков, отмечающих стоянки дулатов, нарушает скопление тамга-петроглифов в форме «крючка», которые нанесены на приметную скалу на повороте, у самой тропы, проходящей вдоль ущелья. Напротив скалы с тамгами на высокой пойме расположено небольшое старое казахское кладбище. Три однотипные тамги, разные по высоте, выбиты одна над другой, и верхний знак отличается одной дополнительной чертой (рис. 6, 2). Тамги такой формы принадлежали немногочисленному казахскому племени ысты Старшего жуза (рис. 6, 3), кочевья которого в последней трети XIX в. располагались на северо-востоке Чу-Илийских гор в составе Ново- и Нижне-Илийской волостей. Известно, что некоторая часть общин родовой группы ботпай до 1870-х гг. кочевала вместе с ысты в тех же волостях, и даже переселившись к своим родичам в Киндыктас, дулаты сохраняли прежние хозяйственные связи: в суровые зимы перегоняли скот на пастбища ысты в приилийские пески, а взамен позволяли, как и казахи Сейкымовской волости, пользоваться своими жайлау (Материалы по обследованию, 1913. С. 187–189; 1916. С. 132, 134, 135). Собрание тамга-петроглифов в долине Шатырколь не связано своим местонахождением со стационарной стоянкой, но может отмечать традиционное место сезонного стойбища или, более вероятно, обозначать место захоронения представителей племени ысты на территории расселения дулатов.

Уникальное собрание родоплеменных знаков дулатов обнаружено в средней части долины Унгурли (горы Киндыктас), расширенной и хорошо обводненной, весьма удобной для обитания скотоводов, судя по концентрации здесь средневековых стоянок, зимовок XIX — начала XX в., а также современных хозяйств. Скальное панно с 19 тамгами возвышается над руинами крупной старинной зимовки; изображения сходны по технике исполнения и, по-видимому, в большинстве одновременны, будучи объединены в смысловую

картину. Выделяются знаки двух разновидностей, отличающиеся деталями (дугой или вписанной окружностью в верхней части знака), четыре тамги имеют дополнительные отличия (рис. 6, 1, 2). Тамги с дугой количественно преобладают и сосредоточены на левой стороне панно, при этом наблюдается упорядоченность знаков по вертикали и в горизонтальных рядах, а вершину композиции образуют две разнотипные тамги. Картину внизу дополняют одиночные знаки (окружность, дуга, окружность с дугой) и контурная антропоморфная (женская?) фигура справа от тамги с дугой.

Можно предположить, что панно представляет собой фрагмент «шежиры» — генеалогической родословной двух родственных отделений дулатов. Известно, что с 1870-х гг. долину Унгурли населяли дулаты рода ботпай, принадлежавшие двум поколениям — шагай и кудайкул, при этом потомки Шагая численно преобладали в общине и занимали здесь наилучшие угодья (Материалы по обследованию, 1916. С. 134–136), что согласуется с доминированием в наскальном панно тамги с дугой в окружности. Обе разновидности знака известны по архивным документам как тамги рода ботпай (рис. 4, 3), и уникальное собрание тамга-петроглифов в Унгурли, по-видимому, символически изображает сложную систему генеалогических связей двух отделений — шагай и кудайкул.

*Ысты.* Как показано выше, общеплеменная тамга ысты представляла собой прямую или наклонную вертикальную линию с загнутым нижним концом, или знак «косеу» (рус. «кочерга») (Тынышпаев, 1925. С. 48; Востров, Муканов, 1968. С. 48). К сожалению, выявленные нами тамги-петроглифы данного типа немногочисленны, что объясняется сравнительно слабой изученностью северных склонов Чу-Илийских гор, где в основном расселялось это объединение казахов. Переселившись вместе с дулатами с правого берега Или на левобережье незадолго до образования Семиреченской области (1867), родовые группы ысты заняли зимовки к западу от гор Аныракай, в приилийских песках и по горным долинам Жынгельды, Тесик, Шолак и др. Вместе с ысты в составе некоторых территориальных общин кочевали группы дулатов рода ботпай, а также торе — потомки султана Али Адилева, внука Абылай хана (Материалы по обследованию..., 1913. С. 206).

В верховьях долины Шолак обнаружен комплекс памятников тамгопользования этого периода: стационарная стоянка, отмеченная двумя «султанскими» тамгами с датами «1888» и «1899»



**Рис. 6.** Тамга-петроглифы торе (чингизидов) и казахов в Чу-Илийских горах: 1 — торе и казахов племен дулат и ысты, долина Шолак; 2 — племени ысты, долина Шатырколь; 3 — торе (слева) и казахов племен ысты на документах XIX в. из ЦГА РК (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 28; Ф. 338. Оп. 1. Д. 904. Л. 163об.; Ф. 44. Оп. 1. Д. 93. Л. 124; Д. 48139. Л. 135); 4, 5 — торе, долина Шолак; 6 — торе, долина Алмалы, середина XIX в. Фото А. Е. Рогожинского

**Рис. 6.** Petroglyphic tamgas of Töre (Chingizids) and Kazakhs in the Chu-Ili mountains: 1 — Töre and Kazakhs of the Dulat and Ysty tribes, Sholak valley; 2 — Ysty tribe, Shatyrykol valley; 3 — Töre (left) and Kazakh of the Ysty tribe in 19<sup>th</sup> cen. documents at the CSA RK (CSA RK. A.G. 374. In. 1. F. 1669. Sh. 28; A.G. 338. In. 1. F. 904. Sh. 163rev.; A.G. 44. In. 1. F. 93. Sh. 124; F. 48139. Sh. 135); 4, 5 — Töre, Sholak valley; 6 — Töre, Almaly valley, mid-19<sup>th</sup> cen. Photographs by A. E. Rogozhinskiy

(рис. 6, 4, 5); неподалеку от нее — небольшое кладбище из двух семейных оград и нескольких отдельных могильных насыпей, перед которыми на скале имеется собрание тамга-петроглифов из 10 знаков трех видов (рис. 6, 1). Вокруг панно с тамгами на скале выбиты арабографические молитвенные и именные надписи, в том числе с упоминанием некоего Мукагали би (прочтение Н. Базылхана).

Собрание тамга-петроглифов у кладбища включает в себя одну тамгу торе, тамгу племени ысты и восемь знаков дулатов в «неканонической» форме, с поднятыми плавно вверх концами поперечной линии. Знаки располагаются в определенном порядке: сверху по центру панно — тамга торе, под ней тамга ысты; тамги дулатов размещаются ниже вдоль краев скальной поверхности и в центре, при этом знаки развернуты окружностью по-разному — вверх, вниз, вправо и влево. Только тамги торе и ысты выбиты одинаково и, по-видимому, одновременно; все другие знаки различаются по технике выбивки, по пропорциям и величине и создавались на скале, скорее всего, последовательно и разными исполнителями. Нужно отметить соблюдение иерархии знаков в композиции: «султанская» тамга занимает почетное место наверху и по центру, а все тамги представителей «кара суйек» (казах. «черная кость») показаны ниже. По-видимому, это собрание разнотипных знаков и эпиграфики вблизи кладбища отражает многокомпонентную структуру местного сообщества и указывает на разнородный состав погребенных здесь или участвовавших в похоронных церемониях.

*Тамги торе (султанов).* В коллекции представлены знаки четырех разновидностей (варианты 1–4), которыми пользовались торе, кочевавшие с казахскими родами Старшего жуза на западе Семиречья. Всего обнаружено 27 изображений знаков, относящихся к типу тарак-тамги (рус. «гребень»), в форме трех вертикальных линий, соединенных сверху или снизу чертой. Наиболее распространенными являются простейшая форма знака (вариант 1) и усложненная — с расходящимися короткими, прямыми или изогнутыми кверху окончаниями боковых линий (вариант 2). Редко встречается знак с одним окончанием боковой линии — слева или справа (вариант 3), и только в одном случае тарак-тамга изображена в перевернутом виде (вариант 4).

К первой группе знаков относятся общеупотребимые «султанские» тамги трех вариантов (1–3). Примечательна находка на территории Семиречья,

в Алмалы, перевернутой тарак-тамги: по данным архивных источников такая тамга (рис. 6, 6) в определенных случаях использовалась казахскими чингизидами (линидж хана Каипа II (1746–1756)), управлявшими до середины XIX в. кочевыми племенами казахов и каракалпаков нижнего течения Сырдарьи и находившимися под юрисдикцией Хивы (Рогожинский, 2014. С. 267). Однако в документах конца XVIII в. отмечено казуальное использование сходной «собственноручной» тамги султаном Султанмаметом, двоюродным братом хана Абылая (1771–1780), а также его сыном султаном Жангиром, которые управляли родами керей и уак Среднего жуза на севере Казахстана (Султаны и батыры..., 2018. С. 196, 303).

Чаще всего встречаются одиночные изображения тарак-тамги, однако в некоторых случаях на одной скальной поверхности выбиты две или три тамги — сходные по цвету патины, но выполненные, вероятно, разными людьми.

Наибольший интерес представляют собрания, в которые помимо родоплеменных знаков казахов входят «султанские» тамги. В большинстве случаев отчетливо наблюдается определенная иерархия символов сословных групп «ак суйек» и «кара суйек», когда тамги торе занимают наиболее почетное место в верхней части композиции (рис. 6, 1, 2). Такие памятники наглядно свидетельствуют, что тамги в казахском обществе играли роль индикатора правового статуса предъявителя знака, указывая на его защищенность нормами обычного права.

### Выводы

Углубленное изучение памятников и обычаев тамгопользования казахов Семиречья, которые во второй половине XIX — начале XX в. сохраняли кочевой уклад жизни на периферии возрождавшегося в крае оседлого земледельческого и торгово-промышленного мира, имеет исключительно важное значение для понимания особенностей подобной практики в культуре средневековых кочевников региона. Сходство можно видеть, прежде всего, в устойчивой привязке большинства тамга-петроглифов к местам зимних стоянок и ключевым участкам осваиваемых скотоводами ландшафтов (водопоям и коммуникациям). Нередки собрания древнетюркских тамга-петроглифов, в которых определенные виды знаков, идентифицируемые как эмблемы правящей элиты (Яценко и др., 2019. С. 252–275), так же устойчиво доминируют в сочетании с тамгами других типов, как сословные «султанские»

тамги выделяются среди родоплеменных знаков казахов.

Наконец, находит сходство отмечаемая для Чу-Илийского междуречья особенно высокая концентрация тамга-петроглифов средневековых кочевников и казахских племен в периоды бурного роста городов и увеличения доли оседло-земледельческого населения соответственно

в карлукско-караханидское время (IX–XII вв.) и на начальном этапе российской колонизации Семиречья во второй половине XIX в. Очевидно, возникновение «земельной тесноты» среди кочевников в том и другом случае стимулировало механизмы регулирования поземельных отношений кочевников, основанных на нормах обычного права и практике тамгопользования.

Абрамзон, 1960 — Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 3–128.

Аманжолов, 1959 — Аманжолов А. С. Писаницы ущелья Утеген // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1959. № 10 (175). С. 52–61.

Васильев, 1915 — Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины: введение к проекту. Пг.: б. и., 1915 (Главное управление земледелия и землеустройства. Отдел земельных улучшений. Проект орошения долины реки Чу в Семиреченской области). 277 с.

Востров, Муканов, 1968 — Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1968. 254 с.

Гродеков, 1889 — Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент: Типолитография С. И. Лахтина, 1889. Т. 1: Юридический быт. 205 с.

Досымбаева, 2006 — Досымбаева А. М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. Алматы: ОФ «Тюркское наследие», 2006. 168 с.

Досымбаева, Богенбай, 2015 — Досымбаева А. М., Богенбай Н. Жасан — сакральная земля тюрков долины реки Чу. Алматы: Evo Press, 2015. 192 с.

Досымбаева, Бондарев, 2016 — Досымбаева А. М., Бондарев М. Тамги — маркеры этнической культуры // Материалы Междунар. научно-практ. конф. «IX Дулатовские чтения», посв. 25-летию независимости Республики Казахстан. Тараз: Тараз университеті, 2016. С. 112–120.

Ерофеева и др., 2008 — Ерофеева И. В., Аубекеров Б. Ж., Рогожинский А. Е., Калдыбеков Б. Н., Жанаев Б. Т., Кузнецова Л. Л., Сала Р. Д., Нигматова С. А., Деом Ж.-М. П. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 276 с.

Историко-культурный..., 2011 — Историко-культурный атлас казахского народа. Алматы. Print-S, 2011. 300 с.

Курылев, 1989 — Курылев В. П. Казахские тамги как знаки родовой принадлежности // Этническая исто-

рия и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана: Сб. ст. / Отв. ред. В. Н. Басилов, Р. Г. Кузеев. Нукус: Каракалпакстан, 1989. С. 210–222.

Масанов, 1995 — Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельностиномадного общества). Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 320 с.

Материалы по обследованию..., 1913 — Материалы по обследованию туземного и русского старожиельского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. Т. IV: Копальский уезд. Киргизское хозяйство. СПб.: Тип. «Экономия», 1913. 439 с.

Материалы по обследованию..., 1916 — Материалы по обследованию туземного и русского старожиельского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. Т. VII: Пишпекский уезд. Киргизское хозяйство. Пг.: Тип. «Экономия», 1916. Вып. 2. 399 с.

Пантусов, 1899 — Пантусов Н. Н. Куртынын-Капчагай и Джалпак-тас (Куртинской волости Верненского уезда) // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год четвертый. Ташкент: Типолитография торг. дома «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1899. С. 64–66.

Рогожинский, 2010 — Рогожинский А. Е. «Мы, нижеприложившие истинные тамги...» (опыт идентификации родоплеменных знаков казахов Старшего жуза) // Роль номадов в формировании наследия Казахстана. Научные чтения Н. Э. Масанова: Сб. материалов междунар. науч. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 101–133.

Рогожинский, 2014 — Рогожинский А. Е. Сословно-династические знаки казахских торе // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: Сб. материалов междунар. науч. конф. Алматы: Evo Press, 2014. С. 262–273.

Рогожинский, 2016 — Рогожинский А. Е. Казахские тамги: новые исследования и открытия // Казахи Евразии: история и культура: Сб. науч. трудов. Омск: Изд-во Омского ГУ; Павлодар: Изд-во Павлодарского гос. пед. ин-та, 2016. С. 223–235.

- Рогожинский, 2019 — Рогожинский А. Е. Знаки идентичности (тамга) и памятники тамгопользования в Казахстане: древность, Средневековье и Новое время // *Казахстан археологиясы = Археология Казахстана*. 2019. № 3 (5). С. 99–121.
- Самашев, 2020 — Самашев С. К. Вопросы изучения функции тамгообразных знаков средневековых кочевников Казахстана // *Поволжская археология*. 2020. № 4 (34). С. 66–80.
- Султаны и батыры..., 2018 — Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.): Сб. документов / Сост. В. А. Сирик. Алматы: Литера-М, 2018. 560 с.
- Таласбаева, 2014 — Таласбаева А. К. Родоплеменные тамги найманов по архивным источникам XVIII–XIX вв. // *Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: Сб. материалов междунар. науч. конф. (Астана, 18–19 марта 2014 г.)* / Отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы: Изд-во Evo Press, 2014. С. 283–288.
- Тынышпаев, 1925 — Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент: Вост. отд. Киргиз. гос. изд-ва, 1925. 64 с.
- Яценко и др., 2019 — Яценко С. А., Рогожинский А. Е., Смагулов Е. А., Табалдыев К. Ш., Баратов С. Р., Ильясов Дж. Я., Бабаяров Г. Б. Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. 452 с.
- Архивные материалы  
НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1896 г. Д. 230: Дело Императорской археологической комиссии о предполагаемой в 1897 году археологической экскурсии  
Стат. Советн. Н. Пантусова в Копальский уезд. 117 л.

## Kazakh petroglyphic tamgas of the Chu-Ili watershed: Age, locations, identification

A. E. Rogozhinskiy, G. A. Kaldybayeva<sup>4</sup>

**Keywords:** Petroglyphic tamgas, Chu-Ili watershed, Kazakhs, nomads, Middle Ages, Early Modern Age.

Petroglyphic tamgas are rock carvings of emblematic symbols used by medieval nomads and by Kazakhs of recent centuries. They are especially numerous in southeastern Kazakhstan, in the Chu-Ili watershed. Over a hundred petroglyphs showing tribal and social emblems of mid-19<sup>th</sup> — early 20<sup>th</sup> cen. Kazakhs, carved on rocks near winter camps, along horse paths and routes whereby domestic animals were driven. Tamgas are rare in the alpine summer pastures. The contexts of medieval nomadic tamgas are similar, and they often co-occur with those of Kazakhs. Written and ethnographic sources suggest that petroglyphic tamgas marked tribal and social groups of Kazakhs. These sources help to understand why new signs appear in related groups. The key factor behind the use of petroglyphic tamgas by Kazakhs on a mass scale was scarcity of land for pastures experienced by nomads after the influx of migrants to Jetysu in the late 1800s and early 1900s. The concentration of such signs in the Chu-Ili watershed in the Middle Ages may be also due to urbanization and the growing share of the agricultural population of Jetysu during the Karluk-Karakhanid period (800–1200).

<sup>4</sup> Aleksey E. Rogozhinskiy, Gaukhar A. Kaldybayeva — Margulan Institute of archaeology; Almaty, Republic of Kazakhstan; e-mail: alexeyro@hotmail.com, odd\_story@mail.ru.